Баржа, предназначенная для перевозки военных грузов, подошла к деревянному причалу. Задний борт её плавно опустился, как будто раскрылась пасть огромного морского животного. Люди засуетились, поднимая узлы и чемоданы, и пошли в раскрытую пасть. «Проглотив» всех, баржа, рассекая холодные воды Анадырского залива, двинулась к «Корсакову», стоящему на рейде. На этом пароходе предстояло плыть дальше на север – в бухту Провидение, куда переводили воинскую часть. Борта баржи были высокие, но ребятишкам очень хотелось посмотреть, как она держится на воде, как образуются волны. Они влезли на вещи и облепили борт. Дно баржи, осевшее под пассажирами и вещами, разрезая тёмно-зелёную воду, плюхало, разбрасывая по сторонам мелкие брызги. Они долетали до лиц ребят. Это приводило их в неописуемый восторг.

Анька с сестрой тоже вскарабкались на узел с периной. Её нос еле достал до края борта. Она увидела густые, тёмно-зелёные, кажущиеся тяжёлыми, волны. Ей показалось, что если на них встать ногами, то не утонешь, и можно пойти далеко-далеко…

Уплывал вдаль причал. Серо-белым облаком приближалась улепленная чайками Алюмка. Скала возвышалась над водой почти на середине залива. Никогда Анька не видела её так близко. «Наверное, скала специально выросла из воды, чтобы на ней жили чайки», – думала она.

Стал ближе Анадырь. Анька родилась в Анадыре, но её семья уже давно жила на другом берегу, в шахтёрском посёлке Угольные Копи.

Весной в Анадыре проходили ярмарки. Из дальних стойбищ на оленях и на собачьих упряжках приезжали чукчи. Женщины примеряли яркие бусы, платки; мужчины закупали всё необходимое для охоты и рыбалки. У отца Аньки тоже была собачья упряжка, и он иногда брал её с собой на ярмарку.

Осторожно объезжая торосы, выезжаем на заснеженный простор залива. Вырвавшись на свободу, собаки мчатся во весь дух, но, устав, замедляют бег и, высунув языки, еле тащат нарту. От них валит пар. Отец встаёт на ноги, идёт рядом, давая им отдохнуть. Глаза слепит искристо-белый снег. Анька надевает тёмные очки. Кое-где вдали видны туши тюленей – греются на весеннем солнышке возле лунок, проделанных в толще льда. При виде приближающейся упряжки тюлень тут же ныряет в воду. А Аньке так хочется поближе его рассмотреть и понять, как он проделывает лунку. «Папа, останови!» – просит она и, спрыгнув с нарты, заглядывает в неспокойную водную бездну, на поверхности которой колышется пропитанная водой снежная масса.

Подъезжая к Анадырю, отец направляет упряжку к почти завалившемуся, занесённому до печной трубы домику на берегу речки «Казачка». Тут живут знакомые, у которых можно остановиться. Собаки, чувствуя предстоящий отдых, рвутся вперёд с новыми силами. Въезжаем в коридор, пробитый в снегу. Дядя Вася, заслышав лай собак, выходит встречать. Привязав нарту, отогреваемся у гостеприимных хозяев горячим чаем и отправляемся на ярмарку.

Анька впервые увидела пожилых чукчей. Узкие тёмные глаза, смолисто-чёрные волосы, загорелые, обветренные лица, покрытые мелкой сеточкой морщин. У некоторых на лбу или бороде – синие полоски татуировки. На них – кухлянки и торбаса из хорошо выделанной оленьей шкуры, у женщин ещё и украшенные вышивками из разноцветного бисера. Не-

смотря на мороз, некоторые снимают с головы башлыки кухлянок – им жарко. Аньке тоже тепло в торбасах, они лёгкие и тёплые, лучше, чем валенки.

Всё куплено, и они с отцом возвращаются домой. Навстречу по льду едет вездеход с офицерами. Вездеход останавливается, их фотографируют. То, что русские и на собачьей упряжке, для военных – диковинка. Для Аньки же – это обычная жизнь, другой она не знает.

А сейчас её жизнь должна измениться: они уезжают в Провидение, уезжают без отца. Мать работает прачкой в военной части по договору и вынуждена ехать.

Мать с отцом жили недружно. Убегая от разбушевавшегося отца, нередко ночевали у соседей. А утром он шёл искать: «Кума, моя у тебя? Вот, дура! Сама бежит и детей за собой тащит!» – «Пока не восстановишь печь, мы не вернёмся», – сердито говорит мать, выходя к нему. И он к обеду складывает новую печь, до этого разрушенную до основания.

Анька – (так звал её отец, и так обращались друг к другу ребята) только что на «отлично» окончила первый класс. Награждение проходило в поселковом клубе под духовой оркестр. В школьной форме с белым фартуком сестры, длиннее платья, она чувствовала себя неловко. Назвали её фамилию, и она, стесняясь, пошла между рядами. Черноволосая, худенькая, с огромными глазами на бледном лице, от волнения она никак не могла взобраться на сцену. Директор школы протянул руки, поднял, поцеловал и поставил рядом. В зале смеялись и аплодировали. Ей вручили грамоту с портретами Ленина и Сталина. Эту грамоту она сохранит на всю жизнь.

Они уезжали. Жалко расставаться с посёлком, с подружками.

«Хорошо, что Верка Тюкилина едет с матерью и братьями, без подружек плохо на новом месте», – думает Анька. А над

баржей кричали чайки, провожая Аньку в путь. В их крике слышалось: «До свидания, Анька! Возвращайся!»

Она смотрела на берег, проплывающий мимо. Волны, мягко и бережно, как руки матери, несли баржу к пароходу. Детская память впитывала все ощущения дня, волнение переполняло душу. Ей захотелось петь. И она тихо запела. Песню подхватила сестра. Шум двигателя и плеск волн заглушали голоса, и им казалось, что их никто не слышит. И они пели, всё громче и громче, выплёскивая накопившиеся эмоции. «Просто песня, как птица, может так далеко от земли унести», – напишет Анька в своих стихах. Они придут, потому что стихи – это песни, а песни уже нашли место в её душе.

Где-то там, далеко, – край суровой Чукотки,
От морозов седых затуманенный взор.
Среди рек и озёр и болотистых кочек
В тёплых шапках песцовых – череда синих гор.

Снилось мне и не раз: в край непуганой птицы
На собачьей упряжке пробиваюсь в пургу,
Морда рыжей дворняжки и друзей моих лица,
Словно в старом кино, промелькнут на снегу.

Той полярной чертой перечёркнуты судьбы
Тех, кто вьюгой времён брошен был в адский круг.
Верить хочется, что мы о них не забудем
И продолжим дела обмороженных рук.

Но опять над страной смерч промчался жестокий –
Обезлюдели сёла, рудники, города,
И грустит на скале крест, как память о Боге –
Кто на карту нанёс этот край навсегда.